

“ВИДНО, СУДЬБА МНЕ ТАКАЯ...”

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам...

Юрий Кирсанов.
Из “афганской” песни

Иногда в свободную минуту я люблю стоять у окна и смотреть, как внизу шумными ручейками бегут в 32-ю среднюю школу девчонки и мальчишки. Ребячий ручейки огибают тесно посаженные вокруг здания березки, тополя, молодые рябины – школа прячется за деревьями словно в маленьком лесу. Лесок этот ярко зеленеет ранней весной, шумит под дождями летом, а там, смотришь, осенний ветер уже срывает с деревьев последние листья, и вот – зима. Как быстро летит время...

Недавно на фасаде школы появилась мемориальная доска: “Киселев Владимир Вилорович. 1964–1985 гг. За мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в Республике Афганистан, награжден орденом Красной Звезды, посмертно”.

А перед Новым годом чьи-то добрые руки положили к ней красивую еловую ветвь, как знак – мы тебя помним, Володя.

“Здравствуйте, мои дорогие мама и папа! Вот и началась моя служба. 8 октября нас отправили из Выборга самолетом в Ашхабад, там мы пробыли сутки и дальше поездом в город Иолотань Туркменской ССР. Здесь я живу уже третий день. Мамочка, ты только не расстраивайся, нас отправят в Афганистан в середине декабря, числа 20... Как видно, судьба мне такая, но ты не расстраивайся. <...>”

Володя очень любил своих родителей, помогал им во всем, заботился. Очень часто писал письма домой, и в каждом Нонна Ивановна и Вилор Валерьевич читали: не скучайте... не расстраивайтесь... все будет нормально...

Любил, мечтал, жил... Как горько писать в прошедшем времени о человеке, которому едва исполнился двадцать один год, о высоком, стройном, красивом парне с большими добрыми глазами.

У него было много друзей. В доме, где жил. В школе, в Вологодском техникуме железнодорожного транспорта, где учился. И в армии.

Татьяна Александровна Володина, преподаватель иностранного языка, классный руководитель, рассказывала о Володе: "Он был всегда среди ребят, обладал удивительной способностью сплотить всех, увлечь каким-то делом. Очень любил природу, очень любил лес". Перечитывая его письма, я тоже остро ощутила эту любовь, огромное желание Володи побродить по лесу, услышать шелест листвьев, пенье птиц, отдохнуть душой, истосковавшейся по дому: "Да, вот уже и осень... Мама, как дела дома? Наверное, уже есть клюква, да и грибов много, а мне так хочется в лес, подышать нашим русским северным воздухом, но увы..."

И, наверное, не раз там, в Афганистане, снилось Володе, как он, мальчишкой, едет с друзьями на поезде в Борзово, в лес. Как они долго бродят среди берез и осин, залезают под колючие ветви елок, собирая грибы, и, как всегда, он самый удачливый. И еще ему, наверное, снилась река, и то, как плывут они с ребятами – Володей Шаньковым, Александром Шишигиным и Сергеем Гавриловым на лодке за Прилуки, на свой "золотой берег", и теплым летним вечером ловят рыбу, варят уху, а потом долго-долго болтают у костра. И может быть, желая продлить эти тающие в жестокой яви остатки сновидений, Володя и пишет: "Да, папа, мой мотор лодочный жив или нет? Да, там надо сделать редуктор, заменить шестерню переднего хода и муфту; если он еще на месте, то никуда его не девайте, приеду – буду кататься".

И часто, очень часто он вспоминает родной город: "Так на Вологду хочется посмотреть хоть бы одним глазом, домой хочется страсть"; "Мама, пришлите мне в письме нашу "Вологодскую неделю", мне так хочется почитать ее. Договорились?"; "Открытки с Вологдой нашей я получил, спасибо. Очень понравились, ведь я так давно не видел Вологду".

Дом, родители, друзья...

– У меня уже больше никогда не будет такого друга, каким был Володя, – сказал как-то Сергей Гаврилов. – Был

он очень простым человеком, не держал на людей зла, очень добрый. Я не помню случая, чтобы мы из-за чего-то всерьез поругались. Квартира Володьки была как бы штабом, а генералом в нем – Нонна Ивановна. Здесь мы собирались, очень весело проводили праздники, устраивали домашние концерты. Наш оркестр – три гитары, стиральная доска, таз и кастрюли разных калибров. Извлекаемые таким способом “мелодии” записывали на магнитофон и, когда прослушивали, хохотали до упаду.

А еще он очень любил читать сказки и был сладкоежкой. Разве могли мы подумать, что пройдет время и о Володе напишут в книге, что на нашей школе появится такая мемориальная доска...

У Сергея Гаврилова растет сын – Володька...

– Обыкновенный был парень, веселый, заводной, – вспоминает Александр Шишигин. – Как-то летом он уехал с родителями на юг, так мы без него ходили как неприкаянные, нам его очень не хватало. Он мне был как брат, которому ничего не надо объяснять, достаточно только взгляда.

На призывной комиссии Володя познакомился с Николаем Ерофеевым. Тот парень потом писал родителям Володи: “Мы... прибыли в Выборг, где жили как братья. Кроватей не хватало, и мы с Володей спали на одной койке, делились всем, что у кого было. Да, у вас отличный сын, но, видать, не судьба нам служить вместе. Его отправили, а я остался в Выборге”.

Держу в руках записную книжку Володи. Я не знаю, когда он переписал это стихотворение “Новый, 82-й год”, не знаю, кто его автор и не знаю, что он думал в те минуты.

А утром ранним на рассвете
Летели молча за кордон,
И каждый думал в этот час,
Вернется ли в родимый дом?
А сколько их, парней хороших,
Уж не вернется в край родной.
А сердце матери не верит,
И сына ждет она домой.

Но я знаю точно, что он не хотел в Афганистан. Он не хотел убивать людей, не хотел умирать. “Мамочка, так не хочется в Афганистан...” Но судьба распорядилась по-своему.

“Здравствуйте, мои родные папа и мама! Привет с нового места, а точнее из ДРА. Уехали мы из Иолотани 20 декабря, вначале на машинах в Мары, а потом поездом в Ашхабад. Там мы пробыли двое суток, ночевали в палатках возле аэродрома. Палатки, правда, одно название, ветер гуляет. Ну мы там и намерзлись. Дальше из Ашхабада самолетом в Кабул. В Кабуле переночевали ночь, а потом нас отдельной командой, на вертолете, отправили в другое место, провинция Газни. Здесь пока на сбоях... Живем в палатках, тепло. Местность кругом — одни горы, лежит снег, почти как у нас, на зиму похоже, хоть Новый год со снегом”.

И опять летят домой родителям и друзьям письма о том, что у него все замечательно, ко всему привык, но о себе мало, скромно... “Живу нормально, служба идет тоже нормально, здоровье хорошее. Недавно сдавал кровь, так срочно нужна была, а у меня группа как раз подходит — II, резус положительный. Да, давно ли был Новый год, а уже прошло полмесяца, время идет быстро”. Он торопит время, каждый прожитый день зачеркивая в календарике. “Уже вовсю чувствуется весна; весна — такое прекрасное время года, правда?”

Володя, оберегая родителей от тревоги, сумел убедить их в том, что там, где он служит, — не стреляют, что он топит печи, ходит в наряд по столовой, стоит в карауле. И только однажды, извиняясь перед родителями за долгое молчание, обмолвился: “...ездил первый раз на операцию. На операции, конечно, очень тяжело, но зато интересно лазить по горам, хотя очень тяжело на них залезать по 3,5 тысячи метров, да еще нагружен по горло. Ну а больше об этом ничего писать нельзя, сами знаете, ведь это учения!”

И только по выписке из наградного листа, полученной в обльвоенкомате, можно судить о том, что Володя называл “учениями”.

“Киселев Владимир Вилорович. Сапер, рядовой. В ДРА с декабря 1983 года. Принимал участие в 12 боевых операциях и в 16 реализациях разведданных по уничтожению бандформирований мятежников. Так, 21 июля 1985 года при ведении боевых действий в ущелье Панджшер действовал в составе роты, которая попала под интенсивный обстрел мятежников. Один из солдат, следовавший впереди дозора, был ранен и находился на открытой местности под огнем противника. Рядовой Киселев В. В., рискуя

жизнью, бросился вперед, умело используя складки местности, подполз к раненому и эвакуировал его в безопасное место. Оказав раненому первую медицинскую помощь, он занял позицию и метким огнем из автомата уничтожил трех мятежников".

"Привет с Афгана! Здравствуйте, мои родные мама, папа! Только что приехал с учений... Я жив, здоров, служба идет нормально. Ну вот наконец наступила долгожданная золотая осень, которую так долго ждали, но домой я приеду месяцев через пять, где-то в феврале. Но это ничего, ждали больше. Дослужим и переслужим сполна..."

"Мама, мне так хочется домой, когда же я буду дома?"

Выполняя боевое задание, Владимир Киселев погиб 18 сентября 1985 года.

Н. Леонова